

Татьяна Гаврилина

Тринадцать плюс

поэмы, сказки и сказ

Татьяна Гаврилина

Тринадцать плюс.
Поэмы, сказки и сказ

«Издательские решения»

Гаврилина Т.

Тринадцать плюс. Поэмы, сказки и сказ / Т. Гаврилина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907392-1

Сборник «Тринадцать плюс» написан для тех, кому и в самом деле 13+. Все произведения, вошедшие в этот сборник, о любви. А значит, о встречах и разлуках, о счастливом и грустном, о волшебном и сущем. Все истории, будь то сказка или поэма, написанные в стихах простым и доступным для понимания языком, повествуют о том чистом и светлом чувстве, которое только и бывает, когда тебе 13+.

ISBN 978-5-44-907392-1

© Гаврилина Т.
© Издательские решения

Содержание

КОНИ РЫЖИЕ	6
«Летний отдых обдумав взвешено...»	7
ЛИТЕРНЫЙ	12
«Я в вагоне ехала литерном...»	13
ВОСТОЧНЫЕ СЛАДОСТИ	18
«Сколько помню себя, со младости...»	19
СКИФЯНКА	23
I	24
II	25
III	26
IV	27
V	28
VI	29
VII	30
VIII	31
IX	32
X	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Тринадцать плюс Поэмы, сказки и сказ

Татьяна Гаврилина

© Татьяна Гаврилина, 2018

ISBN 978-5-4490-7392-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КОНИ РЫЖИЕ МАЛЕНЬКАЯ ПОЭМА

«Летний отдых обдумав взвешено...»

Летний отдых обдумав взвешено,
Я в деревню поехала, в Мешено,
Где моя проживала бабушка.
Я любила ее оладушки,
Пирожки с лучком и картошкой,
Я спала на печи вместе с кошкой
И совсем не скучала по городу,
С коромыслом ходила по воду,
Хоть к тому не была привычною.
Я кормила цыплят пшеничкой
И остывшею пшенной кашею,
Я скоблила ножом пол некрашенный
В пятистенке сухом и бревенчатом,
Самовар раздувала вечером
Сапогом с голенищем хромовым,
Пол в хлеву устилала соломою.
Я одежду забросила модную,
Не могла надыхаться свободою.
Я пила молоко топленое.
Я любила стоять пред иконами
Почерневшими, очень старыми.
Мне казались Святые усталыми,
Богоматерь с младенцем горестной.
Ей и кланялась бабушка поясно
И шептала молитву долгую.
Ну, а я была комсомолкою,
Жизнь иными мерками мерила.
Я вышучивала суеверия,
Предрассудки и страхи дремучие,
Мы с ней спорили в редких случаях
Между делом, легко, с прибаутками,
Оставаясь друг к другу чуткими.
В этом споре и не было правого.
Меня местные звали: – Павою, —
Или просто: – Эй, ты приезжая!
Я серьезной была и сдержанной.
Меня видели часто с книжками.
Я еще не дружила с мальчишками.
Все они мне казались глупыми,
неотесанными и грубыми.
С них и спрашивать было нечего.

***

Но вот как-то однажды вечером

У реки, там, где ивы купаются,
Ты окликнул меня:
– Красавица!
Не скучаешь одна на лавочке?
Торопились на танцы парочки,
Где-то пела гармонь далекая
И в груди моей что-то екнуло.
Мне и вправду было невесело,
Только гордость вдруг перевесила
И ответила я раскованно:
– Как-нибудь обойдусь без клоуна.
Ты смолчал, лишь уздечка звякнула.
И зачем только я это лягнула.
Конь заржал и зацокал копытами...
И осталась я позабытою,
Молчаливой, во всем неправую
На скамье под луной лукавою,
Обвиняя себя бесстыжую,
Что теперь тебя не увижу я.
Вспоминала глаза и волосы,
И каким говорил ты голосом,
Руки жилистые и ловкие,
Как вскочил на коня со сноровкой ты,
Как с обидой своею справился.
Ты тогда уже мне понравился.

***

Я боролась всю ночь с бессонницей,
Я хотела с тобой познакомиться,
Целый день притворялась беспечною
И едва дотянула до вечера.
Я была из десятка неробкого...
Ты коней вел все той же тропкою,
Но меня ни о чем не спрашивал.
– Эй, чем кони твои накрашены? —
Начала я сама. Чуть выждала
И добавила:
– Слишком уж рыжие.
Но ты руки развел:
– Так случается.
Если хочешь, давай покатаемся.
И слова твои были вежливы,
И глаза озорны, насмешливы.
В небе ярко сияло полмесяца.
Я плохою была наездницей,
Но ответила:
– Что ж попробуем!
И ресницы твои чуть дрогнули,
Ты смотрел на меня растерянно.

Я сама была не уверенна,
Что смогу, что я это сделаю,
Но тебе уступать не хотела я.
И твой конь подо мною взлаивал,
Не скакал, а едва вышагивал,
Темным глазом косил испуганно
На меня – «что ты делаешь, пугало?».
Я в бока его била пятками,
За тобою следила украдкой,
Как ты водишь коня поводьями,
А потом получилось, вроде бы.

***

Как бескрылая птица летела я...
Были мы с конем одно целое
И, обвитая рыжей гривой,
Я себя ощущала счастливою.
Ты меня называл «амазонкою»,
Сумасшедшей и смелой девчонкою.
Я и с Лешим сумела б справиться,
Лишь бы только тебе понравиться!
Я была тобой очарована,
Ты держался со мной раскованно,
Твои мышцы играли силою,
В тебе было что-то красивое,
Что-то дикое, скрытое, тайное...
Наступила минута прощальная,
Я решила:
– Привыкнешь – сблизимся...
И ты вдруг спросил:
– Завтра свидимся?
Сладко пахло малиной и розами,
Над деревней рассвет плыл розовый,
И глаза твои были ясными,
И казались мне кони красными.
Ты смотрел на меня выжидательно
И сказала я:
– Обязательно,
Обязательно завтра встретимся,
На тропинке под ивой развесистой.
В дом вбежала и дверь захлопнула.
Я от радости чуть не лопнула,
Лишь и крикнула:
– До свидания!
Я весь день провела в ожидании
И едва дотянула до вечера.
Я себя вела опрометчиво...

***

Мы встречались с тобой лето целое,
Я была, как негр, загорелая
И совсем раздружились с книжками.
Я коней объезжала с мальчишками,
Верх брала на любых состязаниях.
Говорил ты мне:
– Ненормальная,
Ты пойми, что везет до случая.
Ты жалел меня, был уступчивым,
Все мои упреждал желания,
Но пришла пора расставания...

***

Ничего еще не было сказано,
Были мы с тобой очень разными
И ты вымолвил еле слышимо:
– Нас роднят только кони рыжие, —
Незнакомым осипшим голосом
Перед самым отходом поезда.
– Ты студентка, – продолжил сухо ты, —
Ты мечтаешь заняться наукою,
Ты умна, у тебя воспитание,
А мой дед был простым крестьянином.
Мой отец пашет землю на тракторе.
Кем я буду? Таким же пахарем.
Я стояла в пролете тамбура,
Ветер стебли гнул топинамбура
И, кусты раздвигая ближние,
Морды вскинули кони рыжие.
Ты смотрел на меня выжидающе,
Монолог твой был отрезвляющим.
Прошептала я:
– Так случается.
Мне пора, поезд мой отправляется.
И добавила очень искренне:
– Я тебя забросаю письмами.
У меня еще будут каникулы.
Но ты вскинул вдруг руки пониклые,
Плечи сжал мне, до губ дотронулся
Лишь губами и поезд мой тронулся.
И я крикнула:
– До свидания!

***

Я с тех пор не люблю расставания,
Объяснения слишком длинные.
Ты ответил: – Прощай любимая!
Я не знаю, о чем я плакала,
Только слезы беззвучно капали,

Степь мелькала вдали за окнами
Перелесками, речками, копнами
И, земли не касаясь выжженной,
Мчались вровень со мной кони рыжие.

ЛИТЕРНЫЙ МАЛЕНЬКАЯ ПОЭМА

«Я в вагоне ехала литерном...»

Я в вагоне ехала литерном,
В скором поезде прямо до Питера.
Попрощавшись с родней и подругами,
Я отправилась в центр за науками,
Свои планы лелея наивные.
На мне были трико спортивные
И футболка обыкновенная
С рукавами короткими, белая.
Для поездки излишне маркая.
Я казалась провинциалкою
Всем, кто с полков меня разглядывал.
И я съеживалась под взглядами,
Иногда откровенно бесстыжими.
Мои волосы были рыжими,
А ресницы и брови белесыми.
Я легко распрощалась с косами,
Заменяв их на стрижку короткую.
Я имела программу четкую —
Сдать экзамены в политехнический.
Я рассматривала критически
У окошка журнальчик старенький,
Уминая ванильные пряники,
И казалась вполне довольною...

***

На тебя посмотрела невольно я.
Ты спросил:
— Ну, и что там в журнальчике, —
Протянув мне пломбир в стаканчике.
Я ответило настороженно,
Что девчонок полнит мороженое.
Дно стаканчика было влажное.
— Ну, так что там в журнале важного?
— Ничего!
— Ничего интересного?
— Вот взгляните!
Глаза неизвестного
Были синими, со смешинками.
— А, скажите, журнал с картинками?
Я подумала, что ты чокнутый,
Уже стало смеркаться за окнами,
Но ответила:
— Да, как мне, помнится.
— А не лучше ли нам познакомиться? —
Ты спросил. Я на полке заерзала.

Я лишь внешне казалась взрослою
И мне все это вовсе не нравилось,
Но, подумав, я все же представилась,
Взгляд стыдливо укрыв под ресницами.
Разносился чай проводницами,
Предлагались официантками
Пассажирам кульки с баранками,
Сахар, вафли, печенье сладкое.
Я копейки считала украдкой.
Ты представился просто, без отчества,
И спросил:
– А вам чаю хочется?
Я смолчала.
– Нам два и с сахаром, —
Заказал ты. Я чуть ни плакала.
– И коробку конфет для девочки.
– Нет, не надо! Мне лучше семечки
В упаковке, вон те, лущеные.
Я глаза опустила смущенные,
Прошептал:
– Так мы можем поссориться...
Не извольте впредь беспокоиться.

***

Вдруг в купе нашем вспыхнула лампочка.
Молодая официанточка
Улыбнулась все понимающе
И промолвил ты примиряюще,
Что для ссоры не видишь повода.
Потянуло вечерним холодом
Из окошка чуть приоткрытого.
Я девчонкой была воспитанной.
Меня мама держала в строгости.
Я имела понятие о гордости
И еще о мужском легкомыслии...
Ты из сумки достал провизию,
Разложил предо мной на столике.
Я лежала на полке с томиком,
Уж не помню, какого автора.
Я не ела, наверное, с завтрака,
Я весь день голодала намеренно.
Но ты вдруг предложил неуверенно:
– Разделите со мной одиночество,
Одному есть совсем не хочется.
А потом пояснил с запозданием,
Поведя рукой:
– Это мамины
Разносолы, картошка, булочки.
Я ж с единственной ехала сумочкой,

Разместив в ней все самое важное.
Мне претили баулы багажные,
Рюкзаки, чемоданы с нарядами.
Мы с тобой обменялись взглядами...

***

Я смягчилась:
– Ну, если мамыны...
Поезд мчался по расписанию
И отсчитывал стыки литерный.
Ты со мною был обходителен,
И мы даже неплохо поладили.
Проводница включила радио.
Время было совсем неурочное.
Ободзинский пел песню «Восточную»,
С ожиданьем, с надеждой, с досадою...
Ты читал мне стихи Асадова
Беспокойные и мятежные,
А хотелось чего-то нежного,
Чтоб не гибла любовь под пулями,
Чтоб жила, как у Ахмадулиной,
Чтоб была высоко воспетою.
Так и спорили до рассвета мы.
Я читала тебе Есенина,
За окошком мелькали селения,
Переезды, мосты над речками.
Фонари мне казались свечками,
А лесные массивы чащобами...
Лишь под утро уснули оба мы,
а проснулись за час до Питера.

***

Приближался к вокзалу литерный.
Я сменила футболку на блузочку,
Я надела короткую юбочку,
Уложила расческой волосы.
Ты спросил меня сдавленным голосом:
– А какой у вас адрес в Питере?
Я сказала про общежитие
И про то, что хочу стать студенткою.
Я не знала, что делать с коленками,
Что казались мне слишком острыми.
Я хотела накрыть их простынью,
Но подумала, лучше сумочкой...
Я держалась с тобой, как дурочка.
Ты был старше меня, уверенней,
Ты откуда-то ехал с севера,
где бывал по делам издательства.
Ты счастливым назвал обстоятельством

Нашу встречу в вагоне литерном,
А я бредила только Питером,
И следила глазами влюбленными
За мелькающими перронами
За окном, и читала расслабленно
Их названия: Колпино, Саблино...
Ты листы разложил бумажные.
Я подумала, что-то важное...
Каждый полон своими заботами.
Показались пути с переходами,
Поезда, светофоры разные:
То зеленые, а то красные,
Башни новые, старые здания;
Надпись яркая: «Зал ожидания»,
Люди, лица, цветы, движение...
И сказала я с отчуждением:
– До свидания. Спасибо за булочки...
Я держала ремни моей сумочки
В своей правой руке, а в левую
Ты вложил мне бумажку белую,
Произнес:
– Прочитай внимательно!
Я заверила:
– Обязательно!
И минуты были неловкими...

***

Я носила туфли с подковками,
С каблуками подъема высокого.
Я шагала и громко цокала,
Багажа не имея лишнего.
Я читала четверостишие —
Твое новое стихотворение.
Я сдержать не могла волнения.
Ты писал о любви и признании
Я читала твое со вниманием.
В нем ты мне с необычным мужеством
Предлагал и любовь, и замужество,
Обещал меня сделать счастливою,
Называл меня самой красивой.
Ты остался в вагоне поезда
Ждать ответа... Мне стало боязно.
Покачнулись земля ли, небо ли?
Но любви в моем сердце не было.
– Я и жизни еще не видела, —
Заклчила я как-то обыденно.
Ты вошел в мою жизнь непрошено,
В тебе было много хорошего,
Ты судил обо всем обстоятельно,

Ты бы мог быть моим приятелем,
Я же просто твоей знакомою...
Я в тебя не была влюбленною
и мне нравилось быть свободною...

***

И я вскинула голову гордую
и, уже принимая решение,
лист сложила с твоим сочинением,
в сумку сунула. Так случается,
кто-то сходится, кто-то прощается,
просто встреча несвоевременна.
Я была в этом твердо уверена,
устремляясь навстречу с Питером
мимо окон вагона с литерой.

ВОСТОЧНЫЕ СЛАДОСТИ МАЛЕНЬКАЯ ПОЭМА

«Сколько помню себя, со младости...»

Сколько помню себя, со младости
Я любила восточные сладости.
Расстегнув свой карман с прорехами,
Ты шербет извлекал ореховый,
Для меня припасенный заранее.
Я была полна ликования,
Но, желая казаться сдержанной,
Говорила, «мерси», я вежливо,
Как и должно воспитанной девочке.
Тебя звали все взрослые Севочкой.
Ты владел виртуозно мячиком,
Ты был очень спортивным мальчиком.
В кедах, шортах, футболке старенькой
Ты ко мне относился, как к маленькой.
Называл меня мило: – Любочкой.
Я носила короткие юбочки,
Гольфы белые, полуботики,
И на кнопках пиджак коротенький
Из какой —то ткани вельветовой
В рубчик мелкий и фиолетовый.
Я вплетала в косички бантики,
Собирала конфетные фантики
И имела контральто низкое,
В детском хоре была солисткою,
Вовлеченной во всю самодеятельность.
Я артисткою стать надеялась,
Расширяла программу сольную.
Ты ж мечтал стать звездой футбольною.
Всех дворовых игр был застрельщиком,
ну, а я твоим верным болельщиком.

***

Мы делились друг с другом успехами,
А потом вы с семьей уехали
По военному предписанию
В городок один, без названия.
Ты признался мне как-то вечером,
Что он просто порт засекреченный
На далеком и крайнем севере.
Твой отец капитаном был сейнера.
Нет, наверное, все же крейсера.
Мы прощались с тобой невесело.
Долго, молча сидели на лавочке,
Падал свет от фонарной лампочки
И ты встал предо мной на корточки...

Мама крикнула мне из форточки:
– Люба, хватит уже невеститься.
Ты утешил меня: – Еще встретимся.
И ладони твои были жаркими.

***

Ты писал мне письма с помарками,
Но понятным, разборчивым почерком.
Они были скупыми, как очерки:
Про друзей, про поступки невинные,
Но все больше про матчи спортивные.
Ты описывал пасы доходчиво,
Букву Л (эл) выводил с многоточием
И приписывал:
– Жди! Еще встретимся!
Но шли дни, а за днями месяцы...
Я дружила с другими детками,
Был весь двор наш расчерчен клетками —
Мы играли с подружками в классики.
У меня уже были часики
На простом ремешке, но взрослые.
Я имела сужденья серьезные
И о нас задавалась вопросами.
Я легко распрощалась с косами,
Укрощая вихры заколками,
Мне казались минуты долгими
И никто уж не звал меня – Любочкой.

***

Я носила узкие юбочки,
Блузки ситцевые, отстроченные
По всем швам и колготки непрочные —
На коленках чуть-чуть провислые.
Я сорвала контральто низкое
И читала до помрачения
Все подряд, но всех больше Есенина,
И едва поняла Белинского.
Я любила слушать Вертинского.
И скользила игла раздражающе
По пластинке долгоиграющей,
Основательно мной заигранной
Патефонными старыми иглами.
Мне хотелось хоть в чем-то прославиться,
Но была я совсем не красавицей —
Потому и пошла в отличники.
Я штудировала задачки.
Мне казались грубыми мальчики,
А хотелось чего-то нежного...
Я была ученицей прилежною

И гордилась своими отметками.

***

Твои письма ко мне были редкими,
Текст их был мне известен заранее:
– Здравствуй! Как ты? Я жив! До свидания!
И опять обещание встретиться.
Но шли дни, а за днями месяцы...
Я уже не играла в песочнице,
Я студенткой была заочницей.
И работала днем на фабрике,
Ожидая, что ты на кораблике
Приплывешь ко мне. И мечтала я,
Чтоб был парус из шелка алого.
Мне пора уже было невеститься-
Выходили замуж ровесницы,
Я ж тебе оставалась верною.

***

Называли меня блаженною,
Редко Любой, а чаще Любкою.
Ну, а я была однолюбкою
И тебе, как себе, я верила.
Ты писал, что вернешься с севера
Сразу, только отслужишь в армии,
даже день сообщал заранее.
Ты на судне отца был мичманом.
Ты писал, что там море отличное
И что мне оно тоже понравится,
Что там все не так, что там тянется
День полгода и ночи белые,
Что на флоте ребята смелые
И что мичманы поздно ли, рано ли
Все становятся капитанами.

***

Но вот как-то однажды вечером,
Когда мне было делать нечего,
Я читала томик Ахматовой.
За окном стыл закат агатовый,
Постучался вдруг кто-то в дверь ко мне.
Отворив, я застыла растерянной,
Ты ж и скрыть не пытался радости,
А в руках твоих были сладости-
Мой любимый шербет ореховый.
А потом мы в трамвае ехали,
Будто плыли по морю плавному,
И сияли щиты рекламные
За окном парусиной алою...

***

Все сбылось, как о том и мечтала я.

СКИФЯНКА ПОЭМА

***

I

Полнолуние. Июльская ночь.
Звезд холодный свинец серебрится.
Слуги спят. Спит и царская дочь,
Только что-то Атею не спится.
Но не так далеко до утра.
Он поднялся с циновки бесшумно
И, нащупав кафтан, из шатра
Вышел в сумрак, желая подумать.
Пахнет пылью, иссохшей травой,
Где-то птица безумная стонет,
И, заслышав вдали волчий вой,
Захрипели встревожено кони.
Выжег степи полуденный зной,
Пожелтели кустарники даже.
Царь, заслышав шаги за спиной,
Оглянулся на звук – это стража.
Заиграл алой кровью рассвет,
Разгоняя ночную тревогу,
Ждать дождей больше времени нет!
Надо племя готовить в дорогу.
Пастухи, заслоня обзор,
К водопою погнали скотину,
И протяжно, призывно шоор¹
Огласил гулким воем долину
И ближайšie сопки вокруг.
Стан проснулся, заметно движенье.
– Нужно двигаться дальше, на юг, —
Принял царь, возвращаясь, решение.

II

– Мне коня, – приказал он слуге,
Что шел рядом, ему не мешая.
И уже в стремянах и седле
Пояснил:
– Я к шаману Имаю.
Скит шамана приземист, накрыт
Потемневшей от копоти кожей
И шаман в черных перьях, на вид
На огромного грифа похожий,
Гостя, полог откинув, впустил.
Сам же охрой по пояс раскрашен
Он то что-то в фиале² месил,
То над дымом, идущим из чаши,
Наклонясь, ворошил горсть камней,
Разогретых и темных от сажи.
– Что желаешь, – спросил он, – Атей,
Прикажи. Я исполню сейчас же.
– Мы, – промолвил Атей, – степняки;
Мы – кочевники, мы – скотоводы.
Путь наш – к устью широкой реки,
Где обильны корма, где народы,
Что на этих просторах живут,
Обустроивая их с рожденья,
Нетрусливы и не отдадут
Нам угодий своих без сраженья.
Солнцем выжжена наша земля,
Подступают степные пожары
И рыжеют пучки ковыля,
И пора гнать стада и отары
Ближе к югу. С затменьем луны,
Когда наши одежды и лица
Станут ночью почти не видны,
Нападем на заставы фракийцев.
Их земля – удивительный край,
Буйных трав непрерывно кипенье.
Я желаю у духов, Имаю,
На поход испросить одобренья.

III

Царь жесток был как вепрь. Как орлан
Смел и зорок, хитер как лисица.
За дурное предвестье шаман
Мог своей головой поплатиться.
Но он знал, как не прост его гость,
Оценил, что дары его щедры,
И на камни горячие горсть
Бросил высохших прутьев эфедры³.
В гулкий бубен ударил, затряс
Связкой гривн⁴ золотых, выпил сомы⁵
И запел, и пустился вдруг в пляс,
Заметался, как дух невесомый,
Извиваясь, кружась все сильней,
Бил руками, как крыльями птица
И тянулся из чаши, как змей,
Сизый дым, обрамляя ресницы,
Его бороду, пряди волос,
Отравляя душком ядовитым...
И шаман, вдруг упав, произнес:
– Царь, ты будешь в сраженье убитым!
Царь вскочил, обнажил акинак⁶
И за космы безвольное тело
Приподнял.
– Что ты мелешь, дурак!
Получай! Он по горлу умело
Полоснул его, вышел на свет,
С гневом меч вбил в богатые ножны.
– Хорошо, что свидетелей нет
Предсказаньям постыдным и ложным! —
Царь подумал, сядясь на коня.
– Ну, а если он прав и последний
Смертный бой ожидает меня,
Нужен внук мне, а царству наследник!

IV

Вот Исилл. Чем царевне ни муж?
Пусть в годах, но он доблестный воин,
Мне покорен и верен, к тому ж
Будет Ольвии парой достойной.
Все при нем – и секира и щит,
Шлем и панцирь сработаны ловко
Мастерами и полон горит⁷
Стрел, и поножи⁸ бронзовойковки.

V

Вход в шатер. Раб, готовый помочь,
Подскочил, принимая поводья.
– Где же Ольвия? Где моя дочь?
Мы еще не видались сегодня! —
Звал Атей.
– Что случилось, отец? —
Дочь с плеча отвела покрывало,
Золотой поправляя венец, —
– Я на арфе, ты слышал, играла.
Раб Ахилл и толков и умен,
Знает много сказаний, историй
И немало известных имен,
Был вниманьем царей удостоен...
Но Атей дочь свою перебил,
Ничего не желая знать боле.
– Дочь, к тебе я лишь с тем и спешил,
Чтоб сейчас объявить свою волю.
Я об этом подумал не вдруг.
Я слабею. Мне власть не по силам.
Нужен царству наследник, мне – внук,
Тебе – муж и я выбрал Исилла.
– Но, отец, он не люб мне совсем!
Не умен, и не молод, и скушен!
– Я в зятя его выбрал затем
Лишь одним, чтоб он был мне послушен!
Ты мне дочь! Мое слово закон!
Как ты смеешь сейчас мне перечить?!
Знай, твоим соправителем он
Станет, если погибну я в сече!
А любовь – это глупость, зола
От костра, что сгорел и дымится.
До сих пор ты царевной была —
Будешь Скифского царства царицей!
И, уже повернувшись спиной,
Приказал:
– Жди сватов спозаранку.
И ушел.
– Нет! Исиллу женой
Я не буду! Иль я ни скифянка?! —
Закипела вдруг в Ольвии кровь, —
Стар отец, его сердце остыло,
Позабыв, что такое любовь,
Мне ж и дня не прожить без Ахилла.

VI

Раб Ахилл был поэтом, певцом
(его слушал и баловал Дарий)
Но был схвачен в бою, ослеплен,
Чтоб не мог убежать, и подарен
Царской дочери. Вроде шута
Был при ней, чтоб она не скучала
Без подруг, но его доброта
В ней к Ахиллу любовь пробуждала.
Грек и впрямь был силен и красив.
И хоть шут из него не удался,
Он свою госпожу оценив
За сердечность, к ней сам привязался
Всей душой. Оставаясь вдвоем,
Пел ей песни, внимал ее пенью
И со временем верным рабом
Стал ее и покорною тенью.
А когда по весне расцвели
Ноготки, оживляя округу,
Спела арфа двоим о любви
И они потянулись друг к другу.

VII

Вечер близок. В шатре тишина.
Слуги смолкли. Лишь Ольвия
бродит по своей половине, бледна,
От волненья нигде не находит
Ни покоя, ни места себе.
Нет, не может она в самом деле
Покориться так просто судьбе!
И царица взмолилась Кибеле⁹.
– О, Кибела – богиня зверей,
Я грешна, я люблю иноверца
Власти, золота, жизни сильней.
Когда я бы имела два сердца
И второе б любило его!
Но я вовсе о том не жалею!
Или все иль совсем ничего —
Я иначе любить не умею!
Мой отец во мне видит не дочь,
А лишь средство к намеченной цели.
Ты одна только можешь помочь
Мне, – молилась царица Кибеле.
Помолилась и будто во сне,
Полагаясь на милость богини,
Приказала слуге:
– В табуне
Отбери двух коней самых сильных!
Тотчас платье сняла, а затем
Украшения с рук золотые.
Две косы уложила под шлем,
Шаровары, рубаху мужские
Натянула, устроилась ждать,
Когда день отрумянится летний....
Все готово к тому, чтоб бежать.
Выбор сделан. Нет времени медлить!
На подставке лежат зеркала,
Золотые подвески, кулоны,
Гребень с фризом¹⁰ (на фризе орла
Раздирают на части грифоны).
Среди них, как ладья на боку,
Позабывтая арфа скифянки....
Лишь стемнело, нырнула во мглу,
дочь царя и к Ахиллу в землянку
Прибежала.

VIII

Не тратя минут
Дорогих, все как есть изложила
Без вступления:
– Завтра придут
Меня сватать с утра за Исилла.
Мой Ахилл, я готова бежать.
Нам оседланы лучшие кони,
Мои слуги умеют молчать
И отец нас с тобой не догонит!
Мой, ты знаешь, известен удел —
Быть царицею Скифского царства,
Умножать, как отец мой умел,
И владенья его, и богатства.
Духу скрытых сокровищ служить,
Его злой, разрушительной воле.
А я просто желаю любить
И надеюсь мне боги позволят!
Что ты медлишь? Скорее в седло!
Уже небо засыпали звезды,
Но безглазые веки его
Затопили счастливые слезы.
– Как я долго об этом мечтал! —
Произнес он.
– Как жаждал свободы!
И безумствовал я, и страдал,
И надеялся все эти годы
Еще раз сесть верхом на коня,
Сбросить цепи постылого рабства
И вернуться домой, где меня
Ждут родные, надеясь дожждаться.

IX

Царь Атей был побегом взбешен,
Тряс главой, волосами седыми.
И дружинникам был оглашен
Его грозный приказ:
– Взять живыми!
Выбрал самых достойных гонцов,
Разослал во все земли отряды,
А тому, кто вернет беглецов,
Обещал дорогие награды.
Вот и солнце взобралось в зенит,
Зверь дороги и тот сторонится.
И разносится топот копыт
По широкой степи, да клубится
Пыль дорожная, мечется плеть,
Натянулись тугие подпруги,
Но, настигнув, накинули сеть
На влюбленных Атеевы слуги.

Х

Суд царя и суров был и скор.
И, хоть случай задел его лично,
Он исполнить велел приговор
По незаблемым скифским обычаям.
Никакой им особой вины,
Кроме грешной любви не вменяя,
Раб пожертвован богу войны
Был, а Ольвия – богу Папая¹¹

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.